

Глава 15

Погода стояла ясная, первые лучи солнца едва пробивались сквозь предутреннюю дымку.

Праздник середины осени миновал, и листва в саду начала постепенно желтеть. Легкий ветерок шелестел в кронах деревьев, наполняя воздух сухим, шуршащим звуком.

Бай Юй, неся таз с водой, пересек двор и подошел к покоям Се Нина. Толкнув дверь одной рукой, он вошел внутрь.

— Молодой господин? Пора вставать!

Се Нин жил в отдельном павильоне. Мать Се обычно не требовала от него утренних визитов с докладом, поэтому он привык нежиться в постели до тех пор, пока солнце не поднимется в зенит.

Но сегодняшний день был особенным: сегодня жених должен был официально явиться в дом с предложением руки и сердца. И хотя до прихода Лу Чуаня оставалось еще порядочно времени, Се Нину требовалось подготовиться и привести себя в надлежащий вид.

Юноша лишь что-то невнятно промычал в ответ и, не открывая глаз, попытался снова провалиться в сон.

Видя, что ласковые слова не действуют, Бай Юй не стал церемониться и просто откинул одеяло.

Стоял сентябрь, и погода уже заметно посвежела. До зимних халатов было еще далеко, но Се Нина, спавшего в одной тонкой нижней рубашке, пробрала ощутимая дрожь. Он по привычке попытался нащупать одеяло, чтобы укрыться, не подозревая, что слуга уже прижал его к груди.

Так и не дотянувшись до спасительного тепла, Се Нин был вынужден разомкнуть веки. Перед ним предстало суровое лицо Бай Юя.

— Бай Юй... — пробормотал он сонно. — Ты что творишь? Верни одеяло.

— Молодой господин, неужто вы забыли, какой сегодня день? — строго отозвался тот. — Скоро прибудет ученый Лу. Госпожа еще вчера велела вам подняться пораньше.

Затуманенный сном разум Се Нина еще несколько мгновений переваривал услышанное.

«Кто прибудет?»

«Ученый Лу».

«Зачем?»

«Ах да, свататься...»

«Погодите-ка... Свататься?!»

«Значит, сегодня всё решится? Я действительно выхожу замуж?!»

Се Нин мгновенно проснулся. Он всегда предпочитал плыть по течению и не ожидал, что события примут такой стремительный оборот. Даже в его безмятежной душе шевельнулось беспокойство.

Заметив, что хозяин наконец пришел в себя, Бай Юй вернул одеяло на кровать.

— Поторопитесь, господин. Нужно умыться и позавтракать, а потом еще предстоит переодевание и наложение грима.

Се Нин, словно в тумане, поднялся и побрел умываться. В чувство он пришел, только когда уже сидел за столом, а Хэ Хуа расставляла перед ним завтрак.

Проглотив ложку теплой каши, юноша почувствовал, как по телу разливается приятное тепло, а сердце бьется уже не так часто. Отбросив лишние тревоги, он решил сосредоточиться на еде — к пище он всегда относился с величайшим почтением.

Увы, покой длился ровно столько, сколько продолжалась трапеза. Стоило Се Нину отложить палочки, как Хэ Хуа потащила его выбирать наряд.

Служанка одну за другой доставала его лучшие одежды, предлагая на выбор, а Бай Юй тем временем обсуждал, какой грим лучше подчеркнет черты лица. В этой суете у Се Нина просто не осталось времени на душевные терзания.

Когда последние штрихи были нанесены, из главных покоев прибыл слуга с донесением: ученый Лу переступил порог поместья.

Не дав Се Нину опомниться, Бай Юй погнал его в маленький сад.

По обычаям Великой Ань, до официального обмена залогами жених и невеста (или гээр) не должны были видеться. Но как только формальности заканчивались, встреча не только позволялась, но и поощрялась. Мать Се распорядилась, чтобы сын ждал в саду: она хотела, чтобы молодые люди провели время наедине и немного привыкли друг к другу.

Лу Чуань сидел в главном зале. Всем процессом заправляли сваха Ван и староста деревни, самому же жениху оставалось только вежливо улыбаться.

К тому моменту, когда его лицо начало сводить судорогой от фальшивой любезности, дело наконец дошло до последнего шага — обмена залогами.

Лу Чуань достал из-за пазухи подвеску из нефрита Хэтянь. Эту вещь его дед берег пуще зеницы ока, не решившись заложить даже в самые голодные годы скитаний. Позже она перешла к родителям, и мать перед смертью наказала Лу Чуаню передать её будущей супруге. Обо всем этом юноше поведал староста, иначе он бы и не догадался о ценности семейной реликвии. Самому ему, при всем желании, не удалось бы купить ничего столь же достойного.

Мать Се приняла дар, и тут же служанка поднесла поднос, на котором лежала ответная подвеска из желтого нефрита.

Когда залог был передан Лу Чуаню, тот коснулся камня пальцами. Тонкая работа и качество материала явно превосходили его скромное подношение. Впрочем, он не испытал особых чувств. Он уже давно признал свою роль — человека, живущего за чужой счет, и не видел в этом ничего зазорного.

На этом официальная часть для Лу Чуаня закончилась. Мать Се велела второму сыну, Се Мину, проводить гостя и показать ему поместье.

Сегодня в зале присутствовали почти все: и сам хоу Юннин, и Се Мин, и госпожа Чжан. Не хватало только старшего брата, Се Бо, который находился в Северном военном лагере. Все были так поглощены подготовкой, что никто не удосужился отправить ему весточку. Только спустя несколько дней, вернувшись домой на побывку, Се Бо с изумлением обнаружил, что его младшего братишку успели с кем-то сосватать. Когда он потребовал объяснений, все — и отец, и мать, и невестка — только виновато переглядывались, полагая, что кто-то другой уже написал ему об этом. Но это было позже.

А пока Лу Чуань, едва покинув зал, с облегчением выдохнул. Не так-то просто сохранять самообладание, когда на тебя в упор взирает хоу Юннин своими огромными, суровыми глазами. Не знающий человек мог бы подумать, что он крайне недоволен этим союзом, хотя на самом деле сердце старого воина просто обливалось кровью при мысли, что его единственного сына-гээр заберет чужак.

Се Мин был старше брата всего на пять лет, поэтому в нем не было той излишней строгости, что присуща старшему поколению. Он вел себя вполне дружелюбно и даже попытался подбодрить гостя:

— Ты не бери в голову взгляд отца. Он не против тебя, просто ему до смерти жаль выдавать Нин-гээр замуж.

Лу Чуаню оставалось только понимающе улыбаться в ответ.

Сами того не заметив, они дошли до небольшого сада. Се Мин вкратце описал местные красоты, а затем, сославшись на внезапную нужду, поспешно удалился.

Ученый остался один среди цветов; даже сопровождавшие их слуги отступили в тень деревьев. Опасаясь забрести куда не следует в чужом доме, он просто нашел беседку и присел на скамью.

«Начинается самое интересное», — подумал он.

Сваха Ван заранее предупредила его, что после обмена залогами молодым обычно устраивают свидание. Стоило шагам Се Мина затихнуть, как Лу Чуань понял: его суженый где-то рядом.

В саду воцарилась тишина, нарушаемая лишь щебетом птиц. Лу Чуань отчетливо слышал, как гулко и часто бьется его собственное сердце.

Вдруг до него донесся легкий шорох шагов. Мужчина обернулся и замер: к нему шел Се Нин.

Сегодня юноша был в одеждах нежно-зеленого шелка, его лицо украшал едва заметный грим. С того места, где сидел Лу Чуань, казалось, будто к нему спускается бессмертный небожитель.

Сердце мужчины пропустило удар. Каждая новая встреча с Се Нином дарила ему совершенно новые ощущения. Лу Чуань оцепенел и пришел в себя, только когда перед его лицом помахала изящная ладонь.

Се Нин счел поведение гостя весьма странным: он звал его несколько раз, но тот не проронил ни звука.

Лу Чуань неловко кашлянул, собираясь с мыслями, и поднялся, отвешивая глубокий поклон:

— Недостойный Лу Чуань приветствует молодого господина Се.

Видя такую официальность, Се Нин передумал поддразнивать его дальше и, напустив на себя

немного высокомерный вид, произнес:

— Так, значит, вы и есть тот самый ученый Лу?

А затем добавил вполголоса, словно про себя:

— А ведь и впрямь краше Лянь Инцзе...

Лу Чуань не расслышал последней фразы и переспросил:

— Простите?

— Ничего, — поспешно отмахнулся юноша. — Говорю, выглядите вы весьма недурно.

Лу Чуань издал короткий смешок:

— Это вы, господин, ослепляете своей красотой.

Они стояли довольно близко, и низкий, бархатистый смех мужчины, казалось, коснулся самого уха Се Нина. У юноши по затылку пробежали мурашки, и ему невольно захотелось потереть ухо рукой.

Он отступил на шаг и отвернулся, не решаясь смотреть собеседнику в глаза.

На ученом сегодня был ланьшань, сшитый из шелка, который семья Се прислала в качестве благодарности. Тонкая ткань выгодно подчеркивала его статную фигуру, а здоровый румянец придавал ему вид человека энергичного и благородного.

Се Нин всегда был падок на красивых мужчин. Если у кого-то из кандидатов, присылаемых матерью, внешность была хоть немного «подкачавшей», он сразу ставил на них крест. Сейчас же, глядя на своего статного жениха, он почувствовал в душе легкий укол радости.

Лу Чуань заметил, что юноша отвернулся, и догадался, что тот смущен. И впрямь — они виделись всего дважды. Это он влюбился с первого взгляда, а Се Нин, скорее всего, до сих пор пребывал в растерянности.

Он не стал настаивать на том, чтобы юноша смотрел на него, и продолжил разговор в той же позе.

— Я слышал, как ваша матушка называла вас Нин-гээр... Могу ли я тоже обращаться к вам так?
— вкрадчиво поинтересовался Лу Чуань.

Глаза Се Нина округлились — в этот миг он стал поразительно похож на своего отца. Только в отличие от сурового хоу, юноша выглядел невероятно мило, в нем наконец проступила живая душа, скрытая за маской благовоспитанности.

«Что он себе позволяет?! Вот так сразу называть по имени? Разве он не знает, что детское имя гээр или девушки могут произносить только родные да законный супруг?»

Лу Чуань запоздало понял, что совершил оплошность. Всё-таки он вырос в другом мире и еще не до конца усвоил все тонкости местного этикета. Он уже собирался извиниться, как вдруг услышал кокетливый голос Се Нина:

— Если уж вам так приспичило, то зовите меня так после свадьбы. А пока — только Нин-гээр.

«До чего же он прелестен».

Это была первая мысль Лу Чуаня, и на его лице невольно расцвела улыбка.

Се Нин и без того чувствовал себя неловко, а под пристальным взглядом Лу Чуаня и вовсе потерял покой. Чтобы скрыть смущение, он нарочито громко спросил:

— Говорят, вам по душе только гээр?

Лу Чуань уловил его досаду и подыграл:

— Истинная правда. Я с рождения не испытываю склонности к девицам и намерен взять в жены только гээр.

Се Нин фыркнул:

— Так я и поверил. Сколько мужчин, едва выбившись в люди, тут же мечтают о женитьбе на знатной девице. Где порука, что и вы не изменитесь?

Лу Чуань смотрел на него с мягкой улыбкой, словно готов был вечно терпеть его маленькие капризы.

— Раз уж мне милы лишь гээр, женитьба на женщине стала бы для неё проклятием. Заставить её прожить жизнь в одиночестве при живом муже — это бесчеловечно. Я бы никогда не смог пойти на такую подлость.

Се Нин замер, изумленно глядя на него. Он не ожидал таких слов. Даже если это была ложь, сама мысль о чувствах женщины говорила о том, что Лу Чуань человек порядочный.

Ученый немного помолчал, а затем добавил:

— К тому же, я верю, что одна жизнь должна принадлежать одной паре. В моем доме не будет места ни наложницам, ни служанкам в постели.

Лу Чуань читал немало романов о древности, где многоженство считалось нормой, а наличие наложниц — признаком достатка. Но он, человек из современного мира, вырос на идеалах моногамии и намеревался следовать им до конца. К тому же, его собственные родители развелись из-за измены отца, и он всей душой ненавидел саму идею измен.

Се Нин был поражен. В столице встречались семьи, где не брали наложниц, и такие мужчины ценились на вес золота, но даже у них частенько были тайные связи со служанками. Даже у его отца, хоу Юннина, который души не чаял в жене, в доме жили и наложница, и фаворитка из прислуги.

Юноша невольно спросил:

— А что, если... если у нас не будет детей? Что тогда?

Для людей Великой Ань продолжение рода было превыше всего. «Отсутствие наследников — величайшее непочтение к предкам» — гласила мудрость, и закон позволял мужчине после сорока лет взять наложницу, если жена так и не родила ему сына.

Лу Чуань лишь беззаботно пожал плечами. Попав в этот мир, он уже считал великим даром саму возможность иметь собственных детей. Но если этого не случится — что ж, так тому и быть.

— Если детей не будет — беды в том нет, — твердо ответил он. — Если тебе захочется дарить кому-то тепло, мы всегда сможем взять ребенка на воспитание или усыновить кого-то из родни.

Се Нин смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Мысли этого человека казались ему совершенно невероятными, будто он и вовсе не принадлежал к народу Великой Ань.

<http://bllate.org/book/15313/1354397>